

УДК 930.85:130.2

Культура постсоветской Монголии в условиях глобализации

О. И. Зимин

Забайкальский государственный университет, г. Чита

В статье рассматриваются основные факторы и тенденции, характеризующие процесс трансформации культурного пространства современной Монголии под воздействием глобализационных процессов.

Ключевые слова: глобализация, трансформация, культура, религия, сотрудничество.

Отличительной особенностью исторического периода кон. XX – нач. XI в. является фундаментальное изменение социально-экономической, духовной и культурной жизни человечества под влиянием глобализации. Зародившись на Западе, глобализационные процессы распространяют в мире, и в первую очередь в Европе ценности ведущего актора международной политики – США. В этой связи феномен глобализации можно условно рассматривать как «американизацию» мирового пространства, т. е. распространение не только американской модели экономики, но и принципов американской демократии и системы ценностей [12, с. 8]. Глобализационные тенденции, первоначально обусловленные экономическими интересами, оказали существенное воздействие на политическую, коммуникационную и культурную составляющие практически всех стран, включая государства Азиатско-Тихоокеанского региона.

С данной точки зрения представляют определенный научный интерес изменения последних 20 лет в Монголии, за короткий период времени перешедшей от социалистической модели развития к политической системе, основанной на рыночных отношениях и демократических принципах. При этом в отличие от восточно-европейских стран и некоторых бывших союзных республик процесс трансформации социально-политического строя в Монголии проходил достаточно мирно, без жесткого противоборства конфликтующих групп. Цементирующим фактором в гражданском обществе выступило осознание необходимости проведения радикальных реформ государственного устройства и экономической сферы.

До 1990 г. Монголия развивалась в условиях жесткой административно-командной системы, созданной по советскому образцу, и поэтому ей были свойственны монополия правящей партии, преобладание авторитарных методов управления, ограничение свободы слова и печати, преследование инакомыслия [8, с. 8]. Как следствие, культурная составляющая Монголии также формировалась под доминирующим воздействием идеологических подходов и принципов, сформированных в Советском Союзе. По сути, Монгольская Народная Республика являлась классической страной-реципиентом советской

культурной политики. Отмечается, что СССР усиливал свое влияние на МНР, широко воздействуя на культуру народа, определяя его духовные и идеологические приоритеты [5, с. 3]. Таким образом, можно говорить о наблюдающейся в Монголии того периода частичной аккультурации. Здесь также необходимо выделить активное внедрение марксистского атеизма, сопровождающееся агрессивной борьбой с ламаизмом и шаманизмом, на протяжении многих лет формировавшими духовно-культурные ценности и мировоззрение монголов.

В социалистической МНР под давлением Москвы жестко пресекались любые попытки возрождения традиционных ценностей и исторической памяти, в частности, старомонгольского языка и письменности, культа Чингисхана и Великой Монгольской империи [10, с. 385]. Подобные меры вызывали скрытое и устойчивое недовольство у большей части монгольской общест-венности, впоследствии создавшее благоприятный фон для демократических преобразований в стране.

Глубокий политический и экономический кризис в СССР второй полови-ны 80-х гг., дезинтеграционные процессы в советском блоке, нарушение тесных традиционных связей с Советским Союзом тяжело отразились на МНР и в последующем привели к кардинальной трансформации обществен-но-политической системы. Революционные перемены в Восточной Европе, консерватизм и неспособность руководства МНР к проведению кардиналь-ных реформ обусловили приход к власти сил, выступавших под демократиче-скими лозунгами [7, с. 34]. Отказ от советских принципов построения госу-дарства и стремление к созданию нового облика страны привели правящие круги Монголии к решению использовать опыт Запада, воспринимавшегося образцом демократического пути развития.

Начались перемены в общественно-политической жизни, в молодежной среде, в средствах массовой информации, расширился спектр культурно-гуманитарных и торгово-экономических связей Улан-Батора с внешним миром [2, с. 33]. Открытость Монголии постсоветского периода к диалогу с ведущими странами Запада и Азиатско-Тихоокеанского региона позволила Улан-Батору использовать финансовые ресурсы новых партнеров для стабилизации соци-ально-экономической ситуации в стране, погружающейся в глубокий кризис [16, с. 134]. Вполне закономерно, что восприятие Монголией западной модели развития повлекло изменение не только политико-экономических концепций, но и системы ценностей межкультурного взаимодействия.

В данном контексте наиболее показательной можно считать ситуацию в образовательной сфере, находящейся в прямой корреляции с состоянием и развитием культурного пространства. Отличительной чертой преобразований в области среднего и высшего образования в постсоветской Монголии стала переориентация с советских стандартов на опыт стран Запада. Основопола-гающими реформами стали внедрение в учебный процесс так называемой кредит-системы, а также введение буквенной шкалы оценки знаний учащихся вместо традиционной цифровой.

С принятием в 1995 г. Закона «Об образовании» появилась возможность открытия частных учебных заведений с многопрофильными обучающими про-

граммами. На базе ведущих монгольских университетов при поддержке иностранных дипмиссий стали функционировать филиалы зарубежных вузов и образовательных центров. На регулярной основе в Улан-Баторе начали проходить презентации североамериканских и западноевропейских институтов. Широко распространилась практика организации международных преподавательских и студенческих обменов. В официальных и деловых структурах Монголии успешно внедрилось направление специалистов за рубеж на различные курсы переподготовки и повышения квалификации. Так, в 1992–2002 гг. при содействии ЮНЕСКО были реализованы несколько проектов, в том числе «Навстречу потребностям неформального образования для гобийских женщин». ЮНИСЕФ помогла осуществить два пилотных проекта «Неформальное образование для детей, оставшихся вне школы» и «Поддержка переподготовки учителей начальной школы» на общую сумму в 225 тыс. долл. При содействии Фонда Сороса в 1998–2001 гг. через Монгольский фонд «Открытое общество» был реализован проект «Школа-2001», на который израсходовано 2 млн долл. В 1997–2002 гг. Азиатский банк развития предоставил льготный кредит в размере 16,5 млн долл. для реализации «Программы развития системы образования». В рамках данного проекта в стране подготовлено 8 тыс. учителей, более 100 научных сотрудников и преподавателей прошли обучение в университетах США, Западной Европы, Филиппин и Южной Кореи [8, с. 86]. Вполне закономерно, что динамичное развитие международного сотрудничества Улан-Батора в различных сферах, в том числе в области образования, способствовало росту популярности в монгольском обществе английского языка, постепенно вытеснившего из употребления русский язык.

В настоящее время уроки английского языка занимают преимущественное место в сетке языковых предметов большинства средних учебных заведений. Со слов министра образования Монголии Ё. Отгонбаяра, с 1 января 2012 г. в стране при финансовой поддержке Азиатского банка развития начнет реализовываться проект модернизации системы образования. В частности, в рамках данной программы планируется обновить библиотечные фонды школ и ВУЗов изданиями на английском языке, так как имеющаяся литература на русском языке все менее востребована [4, с. 3]. Таким образом, реформы в образовании Монголии, проведенные по западному типу, привели к его универсализации и интернационализации, а также к нивелированию начал, сформированных под влиянием культурных традиций СССР. Монгольские выпускники средних и высших учебных заведений постсоциалистического периода уверенно владеют английским языком, часть получили образование в престижных ВУЗах мира, прошли стажировку в иностранных учебных центрах. Соответственно мировоззрение современной молодежи Монголии в основной массе сформировано под влиянием общемировых, западных ценностей. Исключение составляют те, кто, проживая в условиях провинции, получает воспитание в духе традиций нomaдизма и аратства.

Параллельно с открытием в Монголии зарубежных образовательных фондов появились многочисленные религиозные организации небуддийской направленности, начавшие активную пропаганду своей идеологии. Несмотря на исторически сложившееся доминирующее положение в стране ламаизма,

наблюдается тенденция усиления в духовной жизни монгольского общества позиций течений христианской направленности. В настоящее время в республике действует около 300 приходов, принадлежащих различным религиозным объединениям. Подавляющее большинство христианских миссий организовано мормонскими, адвентистскими, баптистскими, пресвитерианскими и евангелистскими общинами.

Представители указанных миссий проводят планомерную работу по вовлечению в свои ряды местного населения с использованием средств массовой информации, путем активной проповеднической и миссионерской деятельности. Для большей эффективности Библия и пропагандистская литература переведены на монгольский язык. В целях создания положительного имиджа в глазах общественности организуются многопрофильные обучающие курсы, проводятся акции в поддержку малоимущих. В результате в ряды указанных общин вступило более 100 тыс. граждан Монголии [13]. Популярность среди монгольского населения христианских учений во многом объясняется отсутствием четко сформулированной гражданской идеи, способной консолидировать общество, и в целом усилением в стране прозападных настроений, приобщением к западной системе моральных ценностей.

Несомненно, открытость постсоветской Монголии позволила стране интегрироваться в мировое сообщество на правах полноправного субъекта: Улан-Батор вступил во Всемирную торговую организацию; монгольские миротворцы под эгидой ООН присутствовали в Ираке, Афганистане, Чаде, Сьерра-Леоне и пр. Кроме того, развитие связей с ведущими странами Запада позволило использовать их опыт при построении новой системы социокультурных институтов, оптимизировать и диверсифицировать торгово-экономические отношения, внедрить передовые информационные технологии в различные отрасли политики и экономики. В целом для глобализирующейся Монголии стали широко доступны мировые достижения в области науки, техники и культуры.

Вместе с тем процессы глобализации послужили толчком к очередной трансформации культурного сознания Монголии, теперь уже в сторону «вестернизации». Здесь можно говорить о таком типе контактов между монгольской и западной культурами, как «новая ориентация», под которой профессор Е.Л. Головлева предлагает понимать «существенные изменения в культуре-восприимчивости под влиянием чужой культуры» [6, с. 82]. При этом подобное духовно-психологическое воздействие на Монголию, отошедшей от идеологических традиций советского времени, сопровождается характерной для глобализирующихся обществ частичной утратой национальной аутентичности. Достаточно характерными для нынешнего монгольского социума стали признаки девальвации духовных ценностей, приоритетной ориентации на получение личной выгоды, падения морали и гуманизма [8, с. 99]. Вследствие распространения в монгольском обществе, особенно в молодежной среде, потребительских ценностей ранее доминирующий нomaдизм, т. е. обычаи и традиции кочевого образа жизни, постепенно утрачивает свое влияние на формирование культурно-исторической психологии современной Монголии.

Подобное положение вещей вызвало беспокойство не только среди широких слоев монгольской общественности, но и в руководстве страны, которое предприняло ряд мер, направленных на сохранение и популяризацию национальных культурно-исторических ценностей. Так, в 1995 г. президентом Монголии Н. Багабанди возрождена традиция почитания горы Богдо-Уул, издревле считающейся у монголов священной [1]; в 2002 г. подписан президентский указ о признании музыкального инструмента «Морин хуур» особо ценным и почитаемым объектом культурного наследия страны [11]; в 2008 г. лидер республики Н. Энхбаяр возглавил церемонию освящения полотна с изображением бога «Очирваань», являющегося покровителем монгольского народа [15, с. 9]. Данные инициативы косвенно свидетельствуют о внимании официальных кругов Монголии к проблеме укрепления самосознания монгольского народа в условиях изменения политико-экономической ситуации в стране последнего времени.

В период распространения влияния глобализирующейся прозападной культуры в Монголии стала настоятельно ощущаться потребность в возрождении национальной, государствообразующей идеологии. Столкнувшись с необходимостью поиска ответов на вызовы глобализации, связанные с сохранением социокультурной идентичности, современная Монголия обратилась к историческому опыту и традиционным символам национальной государственности.

В первую очередь указанными обстоятельствами обусловлено возрождение культов Чингисхана и Великой Монгольской империи, обращение к мета-научному учению тэнгэрианства (тэнгэризма), сохранившемуся даже в годы буддийской теократии и социалистической идеологии. В последнее время идеи тэнгэрианства завоевывают все большую симпатию среди монголов, так как на примере достижений Чингисхана убедительно доказывается исключительность монгольской нации, находящейся под покровительством Тенгри – «Божественного Неба». В настоящее время в Монголии пропагандой идей тэнгэрианства активно занимаются «Монголын хаант философ академ» («Академия философии монгольских ханов») и «Монголын суу ухаан академ – Манукол» («Академия гениального сознания монголов – Манукол»). Особой популярностью пользуются лекции основателя и ректора «Манукол» Зулаагийн Бат-Одгон. Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения Ш. Бира полагает, что тэнгэризм стал основой становления монгольской государственности, а формирование идеи единого верховного божества в лице «Тенгри» в XIII в. было связано с утверждением единобожества. По сути, посредством шаманского культа «небесной силы» идейно обосновывалась правомерность хаганского единодержавия в лице Чингис-хана, объединившего разрозненные монгольские владения в единое государство [14, с. 8]. В настоящее время апологеты тэнгэрианства убеждены, что экстраполяция знания «Тэнгри» позволит монгольскому обществу отвергнуть чуждые по духу христианство и буддизм, обрести стабильность и гармонию, тем самым способствуя укреплению основ государства, повышению международного авторитета страны.

Также с точки зрения поиска путей урегулирования культурных конфликтов, возникших в монгольском обществе в результате глобализационных процессов, рассматриваются инициативы и конкретные шаги представителей интеллигенции, направленные на повышение роли и места буддизма в гражданской жизни. Так, по мнению буддолога Доржийн Сухбаатара, в настоящее время назрела острая необходимость законодательно защитить национальную религию – ламаизм, принять меры по ограничению деятельности нетрадиционных религиозных течений и полному запрету деструктивных тоталитарных сект. Д. Сухбаатар полагает, что основную опасность для монгольской культуры представляют западные миссионерские организации, развернувшие масштабную работу по вовлечению монголов в свои ряды. Непринятие же властями адекватных мер грозит христианизации монгольского социума по примеру Южной Кореи и Филиппин [9]. По сути, позиция Д. Сухбаатара выражает обеспокоенность населения республики тем, что, несмотря на публичное присутствие официальных лиц страны на наиболее значимых буддистских мероприятиях, тем не менее, государство, ссылаясь на конституцию, воздерживается от привилегированной поддержки ламаизма, ограничиваясь нормативно-правовыми паллиативами.

Кроме того, по мнению монгольского языковеда Г. Нацагдоржа, в условиях распространения в современном обществе английского языка острую актуальность приобрел вопрос сохранения родного языка, который в различных исторических условиях уже был подвержен влиянию тибетского, а затем русского языков [3, с. 7]. Данная точка зрения достаточно распространена в научных кругах и в среде творческой интеллигенции Монголии, отражает циркулирующие опасения по поводу утраты национальной самобытности, культурных традиций в первую очередь в молодежной среде.

Подведем итоги.

1. На протяжении 70 лет – с момента обретения независимости в 1921 г. вплоть до демократических преобразований 1991 г. – культурное сознание Монголии находилось в жестких рамках идеологических подходов, диктуемых Советским Союзом. Следуя принципам марксистско-ленинского атеизма, в стране жестко пресекались любые формы проявлений религиозной жизни, подвергались преследованиям буддийское духовенство, верующие, последователи шаманизма.

2. Переход к демократической модели развития позволил постсоветской Монголии наладить контакты с бывшими идеологическими противниками, особенно с экономически развитыми странами Западной Европы, Северной Америки, Японией и Южной Кореей. Монгольское руководство новой формации использовало установившееся сотрудничество с ведущими государствами Запада и Азиатско-тихоокеанского региона для вывода национальной экономики из прогрессирующей стагнации и формирования новых концептуальных подходов в вопросах внутренней и внешней политики.

3. Вместе с тем открытость Монголии мировому сообществу повлекла за собой не только пертурбацию политико-экономической системы, но и послужила толчком к началу «вестернизации» культурного пространства под влиянием глобализационных тенденций. Данные процессы подтверждают

тезис о противоречивом характере глобализации, которая носит как позитивные, так и негативные последствия. К числу последних, в частности, относятся возникновение угроз национальной идентификации, появление культурных конфликтов как на макро-, так и на микроуровнях.

4. Перед лицом глобализационных вызовов монгольская научная и духовная элита, творческая интеллигенция предпринимают определенные шаги, направленные на сохранение этнокультурной аутентичности, в первую очередь, обратившись к историческим культам Чингисхана и Великой Монгольской империи, а также инициировав гражданские инициативы по поддержке ламаизма и тэнгэрианства, возвращению монгольской письменности и культурных традиций.

5. Имеются основания предполагать, что в обозримом будущем глобализационные процессы продолжат оказывать существенное влияние на социокультурное пространство Монголии, вовлекая Улан-Батор в орбиту мировых общественно-экономических тенденций и параллельно вызывая ответную реакцию в виде активизации движений за национальный суверенитет.

1. *Альтман А.* По указу президента Монголии, в стране будут почитать национальный музыкальный инструмент «морин хуур» [Электронный ресурс]. – Улан-Батор, 2002. – URL: <http://ria.ru/society/20020215/72902.html>.

2. *Амгалан Ж.* Современная Монголия / Ж. Амгалан – Чита : ЗабГГПУ, 2006. – 120 с.

3. *Батаа Б.* Более 500 монгольских слов имеется в английском языке // Монголия сегодня. – Улан-Батор. – 2011. – № 51.

4. *Батаархуу Б.* Мы стремимся внедрить кембриджский стандарт в нашу систему образования // Монголия сегодня. – Улан-Батор. – 2011. – № 49.

5. *Ганжуров В. Ц.* Россия – Монголия (история, проблемы, современность) / В. Ц. Ганжуров – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 181 с.

6. *Головлева Е. Л.* Основы межкультурной коммуникации / Е. Л. Головлева – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 224 с.

7. *Гольман М. И.* Современная Монголия в оценках западных авторов / М. И. Гольман. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2009. – 192 с.

8. *Грайворонский В. В.* Реформы в социальной сфере современной Монголии / В. В. Грайворонский. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2007. – 254 с.

9. *Доржийн С.* Возрождение буддизма в Монголии – достижения и ошибки

1. *Aletman F.* The national musical instrument “morin khuur” will be revered in order to execute the decree of the President of Mongolia [on-line resource] – Ulan-Bator, 2002. – URL: <http://ria.ru/society/20020215/72902.html>

2. *Amgalan J.* Modern Mongolia / J. Amgalan. – Chita : Zabaikalsk State Humanitarian Pedagogical University, 2006. – 120 p.

3. *Bataa B.* There're more than 500 Mongolian words in English // Mongolia today. – Ulan-Bator. – 2011. – N 51.

4. *Bataarhuu B.* We tend to adopt the standard of Cambridge in our education system // Mongolia today. – Ulan-Bator. – 2011. – N 49.

5. *Ganjurov V. Ts.* Russia – Mongolia (history, problems, modernity). – Ulan-Ude : BSC SB RAS, 1997. – 181 p.

6. *Golovleva E. L.* Foundations of intercultural communications / E. L. Golovleva. – Rostov-on-Don : Phenix, 2008. – 224 p.

7. *Goleman M. I.* Modern Mongolia in the estimates of Western authors / M. I. Goleman. – M. : Institute of Oriental Studies RAS, 2009. – 192 p.

8. *Graivoronsky V.* Social reforms of modern Mongolia / V. Graivoronsky. – M. : Institute of Oriental Studies RAS, 2007. – 254 p.

9. *Dorjiin S.* The revival of Buddhism in Mongolia – achievements and mistakes

- ки [Электронный ресурс]. – Улан-Батор, 2011. – URL: <http://savetibet.ru/2011/04/18/mongolia.html>.
10. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Ближний Восток» (2004–2008 гг.) / С. Г. Лузянин – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 447 с.
11. *Правящие круги Монголии провели официальную церемонию почитания священной горы Богдо-уул* [Электронный ресурс]. – М., 2004. – URL: http://www.religare.ru/2_10685.html.
12. *Религия и глобализация на просторах Евразии* / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. – М. : Неостром, 2005. – 343 с.
13. Трубач А. *Православие в Монголии на современном этапе* [Электронный ресурс]. – М., 2009. – URL: <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=447>.
14. *Тэнгэризм ба монголчууд / эмхэтгэгч Б. Галаарид* ; ред. Л. Дашням. – Улаанбаатар : «Цалиг» хэвлэлийн газар, 2011. – 196 с.
15. Цогзолмаа Д. *Освящение покровителя Монголии – бога «Очирваань»* // *Новости Монголии*. – Улан-Батор. – 2008. – № 22.
16. Яскина Г. С. Роль внешнего фактора в развитии Монголии // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2006. – № 3.
- [on-line resource] – Ulan-Bator, 2011. – URL: <http://savetibet.ru/2011/04/18/mongolia.html>.
10. *Luzyanin S. G. Eastern policy of Vladimir Putin. Russia returns to the «Middle East» (2004–2008)* / S. G. Lusyarin. – М. : AST: East-West, 2007. – 447 p.
11. The government of Mongolia held the official ceremony to honour sacred Mt. Bogdo-Uul [on-line resource] – М., 2004. – URL: http://www.religare.ru/2_10685.html.
12. Religion and globalization in Eurasia / ed. by A. Malashenko and S. Filatov. – М. : Neostrom, 2005. – 343 p.
13. *Trubach A. Orthodoxy in Mongolia at the present stage* [on-line resource] – М., 2009. – URL: <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=447>.
14. Tengerizm and Mongols / ed. by L. Dashnyam – Ulan-Bator : Tsalig, 2011. – 196 p.
15. *Tsogzolmaa D. Blessing the Patron of Mongolia – the God of «Ochirvaan»* // *News of Mongolia*. – Ulan-Bator. – 2008. – N 22.
16. *Yaskina G. S. The role of external factors in the development of Mongolia* // *Problems of the Far East*. – 2006. – N 3.

Culture of post-Soviet Mongolia in the context of globalization

O. I. Zimin

Transbaikal State University, Chita

The paper examines the main factors and tendencies which characterize the transformation of modern Mongolia culture under the globalization processes.

Key words: globalization, transformation, culture, religion, cooperation

Зимин Очир Игоревич – эксперт Научного центра международных исследований Северо-Восточной Азии Забайкальского государственного университета, 672051, Забайкальский край, г. Чита, а/я 812, тел. 8(3022)441061, e-mail: zimin_ochir@mail.ru

Zimin Ochir Igorevich – expert of the North-Eastern Asia International Research Center, the Transbaikal State University, 672051, Transbaikal krai, Chita, p.o.b. № 812, phone 8(3022)441061, e-mail: zimin_ochir@mail.ru